

и другая молодая дама сидѣли на канане возлѣ камина, слушая Печорина, который, придвинувъ свои кресла къ камину, гдѣ сверкали остатки каменныхъ угольевъ, рассказывалъ имъ одно изъ своихъ похожденій во время Польской кампаніи. Когда Степанъ Степановичъ ушелъ, онъ занялъ праздное мѣсто, чтобъ находиться ближе къ княгинѣ.

— Итакъ вамъ велѣли отправиться со ездомъ въ эту деревню... сказала молодая дама, [которую Вѣра называла кузиной], продолжая прерванный разговоръ.

— И я, какъ разумѣется, отправился, хотя ночь была темная и дождливая, сказалъ Печоринъ, — мнѣ вѣрно было отобрать у пана оружіе, если найдется, а его самого отправить въ главную квартиру... Я только что былъ произведенъ въ корнеты, и это была первая моя откомандировка. Къ разсвѣту мы увидали передъ собою деревню съ каменнымъ господскимъ домомъ, у околицы мои гусары поймали мужика и притащили ко мнѣ. Показанія его объ имени пана и о числѣ жителей были согласны съ моею инструкціей. — А есть ли у вашего пана жена или дочери? спросилъ я. — Есть, пане капитане. — А какъ ихъ зовутъ, графиню жену вашего Острожскаго? — Графиня Роза. — Должно быть красавица, подумалъ я наморщась. — Ну, а дочки ея такія же рожи, какъ ихъ маленька? — Нѣтъ, пане капитане, старшая называется Амалия и меньшая Евелина. Это еще ничего не доказываетъ, подумалъ я. Графиня Роза меня мучила, я продолжалъ разспросы: — А что сама графиня Роза старуха? — Ни, пане, ей всего тридцать три года. — Какое несчастье! Мы вѣхали въ деревню и скоро остановились у воротъ замка. Я велѣлъ людямъ слѣзть и въ сопровожденіи унтеръ-офицера вошелъ въ домъ. Все было пусто. Пройдя нѣсколько комнатъ, я былъ встрѣченъ самимъ графомъ, дрожащимъ и блѣднымъ, какъ полотно. Я объявилъ ему мое порученіе. Разумѣется, онъ увѣрялъ, что у него нѣтъ оружія, отдалъ мнѣ ключи ото всѣхъ своихъ кладовыхъ и между прочимъ предложилъ завтракать. Послѣ второй рюмки хереса графъ сталъ просить позволенія представить мнѣ свою супругу и дочерей. — Помилуйте, отвѣчалъ я, — что за церемонія. Я, признаться, боялся, чтобы эта Роза не испортила моего аппетита. Но графъ настаивалъ и, повидимому, сильно рождался на могущественное вліяніе своей Роджи. Я еще цѣпківался, какъ вдругъ дверь открылась и вошла женщина, высокая, стройная, въ черномъ платьѣ. Вообразите себѣ польку и красавицу польку, въ ту минуту, какъ она хочетъ обворовать русскаго офи-

цера. Это была сама графиня Розалія или Роза, по простонародному Рожа.

Эта случайная игра словъ показалась очень забавна двумъ дамамъ. Онѣ смѣялись.

— Я предчувствую, вы влюбились въ эту Рожу? воскликнула, наконецъ, молодая дама, которую княгиня Вѣра называла кузиной.

— Это случилось бы, отвѣчалъ Печоринъ, — если бъ я уже не любилъ другую.

— Ого! постоянство, сказала молодая дама. — Знаете, что этою добродѣтельно не хвастаются?

— Во мнѣ это не добродѣтель, а хроническая болѣзнь.

— Вы однако же вылечились?

— По крайней мѣрѣ лечусь, отвѣчалъ Печоринъ.

Княгиня на него быстро взглянула, на лицѣ ея изобразилось что-то похожее на удивленіе и радость. Потомъ вдругъ она сдѣлалась печальна. Этотъ быстрый переходъ чувствъ не ускользнулъ отъ вниманія Печорина. Онъ пережвнилъ разговоръ. Анекдотъ остался недоконченнымъ и скоро былъ забытъ среди веселой и непринужденной бесѣды. Наконецъ подали чай и вошелъ князь, а за нимъ Красинскій. Князь отрекомендовалъ его женѣ и просилъ садиться. Взоры маленькаго кружка обратились на него, и молчаніе воцарилось. Если бъ князь былъ петербургскій житель, онъ бы задалъ ему завтракъ въ 500 р.; если имѣлъ въ немъ нужду, даже пригласилъ бы его къ себѣ на балъ, или на шумный раутъ потолкаться между раugnaго рода гостями, но ни за что въ мірѣ не ввелъ бы въ свою гостиную запросто человѣка посторонняго и никакимъ образомъ не принадлежащаго къ высшему кругу. Но князь воспитывался въ Москвѣ, а Москва такая гостепріимная старушка. Княгиня изъ вѣжливости обратилась къ Красинскому съ нѣкоторыми вопросами. Онъ отвѣчалъ просто и коротко.

— Мы очень благодарны, сказала она наконецъ, — господину Печорину за то, что онъ доставилъ намъ случай съ вами познакомиться.

При этихъ словахъ Печоринъ и Красинскій невольно взглянули другъ на друга и послѣдній отвѣчалъ скоро:

— Я еще болѣе васъ долженъ быть благодаренъ господину Печорину за эту неоцѣненную услугу.

По губамъ Печорина пробѣжала улыбка, которая могла бы выразиться слѣдующею фразой: «ого, нашъ чиновникъ пускается въ комплименты». Понялъ ли Красинскій эту улыбку, или же самъ испугался своей смѣлости, потому что, вѣроятно, это былъ его первый комплиментъ сказанный жен-